

Настоящая словесная живопись, втягивающая в северный сельский пейзаж, который вдруг раздвигается над нами, как собор из сосен и облаков. Двойное зрение – главная интрига романа, в котором не верь глазам своим. Мы вступаем в мир, где опрокинуты границы женского и мужского, предметного и незримого, колдовского и обиходного, злокозненного и целительного. И именно в таком мире у нас есть шанс принять себя и свою жизнь во всей полноте.

Валерия Пустовая

В романе «Белая Согра» Ирина Богатырёва вводит читателя в непонятный, богатый и очень живой мир, в котором нужно разбираться, в который нужно вслушиваться и вчувствоваться. Иногда для этого начинаешь читать «Белую Согру» себе вслух, чтобы насладиться голосами, звучащими в ней. Этот «затерянный мир» в отличие от конан-дойлевского реален и доступен каждому, но исчезает на наших глазах.

Илья Кочергин

Этот роман о становлении личности девочки-тинейджера, о социально-психологических аспектах гендерной самоидентификации. Сюжет романа – преодоление духовной самоизоляции, обретение необходимого *другого* не в фантазиях, а в реальном общении с людьми, в соприкосновении с природой. Динамичное, захватывающее повествование. Читатель ждет: что будет дальше со странной девочкой Жу? И с какого-то момента начинает по-новому размышлять на вечную тему: а что будет со мной, что будет со всеми?

*Ольга Новикова,
журнал «Новый мир»*

ИРИНА БОГАТЫРЕВА

БЕЛАЯ СОГРА

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б73

Художественное оформление серии
Юлии Деятовой

Богатырева, Ирина Сергеевна.

Б73 Белая Согра / Ирина Богатырева. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с. — (Этническое фэнтези).

ISBN 978-5-04-113679-6

Так начинаются многие сказки: матушка умерла, мужик взял в дом мачеху, а та невзлюбила падчерицу, отправила её к своей тётке – бабе-яге...

Но Жу, с которой случилось то же самое, не уверена, что попала в сказку. Деревня, в которой она оказалась, — богом забытое место где-то на Севере, где никогда не заходит солнце, вокруг леса и болота, и телефон здесь не ловит. Здесь совершенно нечем заняться, а у местных старух непонятный говор и только и разговоров, что о порче да покойниках, которые приходят к живым, о домовых и непонятной травине, которая помогает найти потерявшихся людей, но сорвать её сложно: растёт она в далёкой согре и охраняет её нечистая сила.

Впрочем, Жу всё это не интересно. С тех пор как не стало мамы, ей сложно общаться с людьми. За неё это делает внутренний брат-близнец, про которого Жу начинает думать, что это и есть она сама. Быть мальчиком или девочкой, жить в городе или в деревне, что-то делать или не делать совсем ничего — с недавних пор Жу всё неважно. Однако с того дня, как местная колдунья в сердцах сказала «пONESИ тебя леший» и Жу канула в болотистых лесах с братом, а вышла уже одна, — с этого дня ей приходится учиться жить заново, слушать старух и понимать, что же они рассказывают о силах, живущих в окрестных болотах, и о том, как с ними обращаться. Только так она может понять что-то и про саму себя.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113679-6

© Богатырева И., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть 1
Б Р А Т

Лес, всё лес.

Но кровь возвращается в голову, и надо проснуться.

Хотя не хочется. Ужасно не хочется. Вдруг откроешь глаза — а вокруг по-прежнему он: лес. Пока не открываешь, можно думать, что его нет. Просто холодно. Просто сыро. Но не лес. А откроешь — и от него уже не уйти. Из него не выйти.

А говорили: если заблудитесь, не мельтешите. Сидите на месте, берегите силы. Вас найдут, говорили. А будете бегать — это сложнее.

Беречь уже нечего, Жу поэтому и сидит. Спички были бы или зажигалка, огонь сделать. Согреться, дать о себе знать. Но Жу не курит — откуда же спички, откуда зажигалка? Выйдет — если выйдет — набьёт ими все карманы: одежды, рюкзака, всего. И будет говорить каждому: носите с собой спички, носите зажигалку, не курите — всё равно носите.

Потому что кругом лес, и только так вас найдут.

А всё-таки интересно, был он вчера или нет? Тот дед. Может, не вчера, но был ли. Такой настоящий. И пахло от него табаком. Высокий только

больно и тощий. Или показалось? Одет странно. Впрочем, как ещё он мог быть одет? Сапоги, телогрейка. Может, рабочий? Дорогу строят где-то, а он — за ягодами. Дал горсть клюквы. Сушёной. Вкус до сих пор во рту. Дал ягод и сказал: «Сиди тут». Нет, он сказал не так, но неважно, главное: сиди тут. Жу и сидит. Воду пьёт из болота. Вот оно, болото. Тут. Или там. Неважно. Главное: сиди и не бегай, тебя найдут. Дед сказал. Нет, не сказал — промычал. Глухонемой? Неважно. Вообще всё неважно.

Лес, всё лес. Белый мох стелется по корням сосен. Они вырастают из него — чёрные, прямые. Белое и чёрное. И воздух белёсый. День сейчас или ночь? Кто скажет в этом краю. В голове мешается, и не понять — это день или ночь, это туман или сумерки. Это мох белый, или иней, или роса на траве.

А красиво. Хоть и странно, что можно ещё об этом думать. Можно это замечать. Белое, искристое. Клубится, стелется. Только холодно. Только сыро.

И тут что-то шевелится рядом. А потом рычит.

Любопытство зажглось в мозгу не сразу. Сначала кровь вернулась в голову — значит, опять был сон. И это белёсое перед глазами снится, держится картинкой на сетчатке глаз. А откроешь — картинка та же. То же белое. Тот же лес.

И ещё сапоги.

И рычит.

Повернуть голову не удаётся. Пошевелиться — больно. Как же, оказывается, затекли ноги! Заныло, потянуло, повело тело — и выпросталось из-под куртки. Завалилось на бок и развернулось, как ёж в

воде. Перевернулось навзничь. Запрокинулась голова.

Дед. Тот же самый. Стоит и глядит злобно. И рычит.

— Ы! Ы-ы!

Жу пробует шевельнуться — не получается. Хоть бы помог, а то только стоит.

— Ыды!

Вдруг у него в руках — какой-то куст, разлапистая травина, падает на лицо, но прежде, чем ухнула на глаза, Жу успевает закрыться ладонями.

Их обожгло, будто крапивой.

— Ыды!

Жу скребёт ногами, пытается перевернуться. Ползёт на боку, на животе. Отворачивается, чтоб не попасть снова под жгучую травину.

— Ыды! Ы-ды! — Она падает на плечи, на спину, задевает по шее — прижигает кожу.

Кричать сил нет, но подняться на четвереньки — появились. Жу ползёт, как зверь, всё вырастая и вырастая, цепляясь за стволы, за сосны, — кровь побежала, ноги держат.

Наконец, встает.

Дед сзади. Высокий, худой. Из бороды — оскал, блестит глазищами. Кожа тёмная, морщины — как кора.

— Ы-ы! Ы-ы!

Да иду я. Иду.

И правда — идёт. А он сзади, неотступно. В руках — травина. Ладони до сих пор жжёт, а ему хоть бы хны. Только помахивает. Скотина я тебе, что ли? Корова?

— Ы-ы!

Куда хоть? Туда? Или туда? Сам-то знаешь?

Но он как будто не думает. Не замечает дорогу. Просто гонит вперёд. В глазах — остервенение. Разве так находят в лесу заблудших?

Страх не проснулся. Для страха нет сил. Только на то, чтобы двигаться. Сзади — шаги, впереди — лес. Ыды!

И ничего не расступилось. Никакого не появилось просвета. Наоборот: сосны как будто гуще, через заросли кустов приходится продираться — сначала Жу, потом дед со своей травинкой. Жу ложится всем телом на ветки. Дед идёт, будто ничего нет вокруг.

Но наконец лес зажмурился, напрягся — и с шумом выплюнул Жу.

И сразу всё стало видно — вон холм, под которым Овечий ручей, вон магазин, перекрёсток, речка. Церковь.

А за тем поворотом — желтеет крыша дома бабы Манефы.

И больше уже не лес вокруг. Не лес.

ШАПКА - НЕВИДИМКА

«Всё это нормально для нашего возраста. Важно не то, что ты чувствуешь, а то, что делаешь, чтобы из этого стояния выйти».

Сообщение не отправлено.

Сети нет. Ну, и интернета, соответственно. Долго держался, но как свернули с асфальта, да запрыгали по колдобинам, да потемнело в машине от обступившего леса, — тут-то он и пропал. Не выдержал.

Pavel будет в недоумении. Будет уверен, что это от его нитья Ju покинул переписку. Покинул сеть. Да и вообще всё покинул. Сколько они ещё не объявятся в сети? Даже представить страшно.

— Не ловит? А тут никогда не ловит, — услужливо говорит водитель. Он уже давно посматривал на манипуляции Жу с телефоном. — У них тут вышка не добивает. За горкой живут, дак. Есть одна точка, на лысине, там вот ловит. Если ветер попутный. Туда и ходят все. Иной день едешь — вереницей топлют бабки, как раньше на телеграф. А так-то и сотовые не у всех есть. Им зачем? У них дома телефоны, ещё при советской власти устанавливали. А че, не глухой угол, какая-никакая цивилизация.

Вот так отец им сюда и звонил — по телефону. Обычному. Домашнему. «Цивилизация!» — брат фыркает. Отворачивается. Пялится в окно.

Водитель что-то продолжает бубнить, Жу не слушает. Водитель любит поговорить. Раньше спасал телефон, но теперь ничего не закрывает от этой навязчивости. Взгляд блуждает по салону, по бордовой обивке. Старый «Жигуль», внутри всё в засаленном бархате, бордовая бахрома болтается с потолка по всему периметру. Как в гробу, думает Жу. Головастая собака на панели под лобовым стеклом неистово качает башкой, соглашаясь со всем, о чём ни подумаешь.

— Тут лесопункты всё, лесопункты кругом, люди такие, знаешь... Всякие.

Жу кивает, типа знает, хотя не знает ничего, — а взгляд падает за окно.

Там лес.

Сплошной лес.

Частоколом вырастают сосны. Белый мох стелется по корням. Лес беспросветный, какой-то, жуткий. Как трёп водителя.

«Уезжаю в ссылку. Отец сослал», — это было последнее, что написали они с братом закадычному другу. Нет, не Паше, его читали по диагонали, он только нить умеет о том, как ему тяжело живётся. Настоящему другу, чьи сообщения всегда ждут с трепетом — и кто писал всё реже и реже. Можно сказать, практически уже не писал.

Нет, неправда: брату он писать продолжал. Только брату до него пофигу. А вот Жу — нет. Может, поэтому он Жу больше и не пишет. Конечно, зачем писать непонятно кому, кто фоток своих не постит, ничего о себе не рассказывает и только жалуется на жизнь. Как Паша.

Жу закрывает глаза.

— Ещё поселения раньше были. Всяких селили, и политических, и разных. Поляки там, немцы. Я не застал, врать не буду. Я сам вообще не тутошний, с Вологды, но бабка у меня с этих краёв, вон там жила, деревня была, Холмы, её нету уже, деревни. Так меня к ней, бывало, на всё лето — шу! — и ссылали.

Водитель смеётся. Жу открывает глаза, смотрит на него — так легче, с закрытыми аж гудит в голове от его голоса.

— Тебя-то сюда как занесло? — Водитель чувствует взгляд, оборачивается. — Тоже того — к бабушке, отъедаться? — Подмигивает Жу.

— Как пойдёт, — отвечает Жу неопределённо.

— Куда пойдёт-то? — парирует водитель и смеётся. — Тут ходить некуда. Ехать — это да, но это по моей части. Ты, вот что. — Он вдруг опускает козырёк, ищет что-то за обивкой. — Будешь жить тута, особо не того, на дорогу не суйся, мало ли народу всякого. На-ко вот, — достает свою визитку и протягивает Жу. — Номер возьми, звони, если что. А то был у нас тут один случай. Давно уже, но всё-таки. Ездил, знаешь, расконвоированный, с зоны. Машина у него такая была, ассенизатор. Ну, это самое возил, короче. И что? Девоч молодых, кто на дороге стоит, подбирал, короче, и того. Всякое. А потом убивал. И в лесу где подзакапывал. Много их пропало, что ты! И молоденьких самых девчонок, школьниц. А что, автобусов нет, а ехать как-то надо. Вот они на дорогу выйдут, на остановке встанут. А он такой был, видать, втирался в доверие, уж я не знаю. И всё.

— И что?

— И всё. Не, его поймали потом, ты не думай. Но всё равно. Приятного мало, согласишься.

Жу без охоты соглашается.

Брат вдруг пихает в бок и кивает в окно — там, в глубине леса, меж стволами, как меж колоннами, мелькают оградки, памятники, кресты, яркие цветы, так что и издали ясно — они неживые.

Кладбище. В сердце похолодело.

— А, это здешнее буево, — говорит водитель, проследив взгляд Жу. — Не знаешь такого? Ну, погост, буево. У нас много всяких словечек интересных, слушаешься ещё, — усмехается. И тут же продолжает совершенно серьёзно: — Тут, говорят, могила одна есть — ведьмы. На ней фотография такая, как с помехами. Ходишь иной раз, смотришь. Все нормальные, нормальные, а потом бац — она. Как будто через рябь. Видно, и с того света колдует, короче!

Яркие пятна цветов помаячили, помаячили — и опрокинулись назад в общий зелёно-белёсый фон.

— А вот и оно, Согрино твоё. Приехали, — говорит водитель, и лес расступается как бы нехотя, дорога ухает вниз, и машина вместе с ней, так что подкатывает к горлу, но уже выезжают на улицу, домики с обеих сторон, а наперерез — мягкий изгиб тёмной воды.

Река нырнула под мост — и течёт с другой стороны, охватывает деревню полукругом. Рядом с мостом — купол, каменная церковь, колокольня тянется наверх, выше всех крыш. Старая, сразу видно. И тяжёлое небо над всем. Тёмное, мрачное. Только не свинцовым одеялом, как в городе, а настоящей громадой, небесной архитектурой — тучи

нависают и над рекой, и над церковью, и над улочками села, тугие, сизые, а сверху над ними высятся более светлые, но не менее объёмные, дутые. И что-то там ещё кипит, бурлит, перетекает одно в другое, так что кажется, сверху больше движения, чем внизу.

Проще говоря, внизу вообще никакого движения. Машина одна летит по улице, подпрыгивая на колдобинах, и не видно ни человека, ни собаки. Пустая деревня, закрытые калитки, запертые ворота. Ни курицы какой. Ни кошки. Ни души.

Когда дорога заложила крюк, огибая совсем уж заросшую халупу — мелькнул в зарослях крапивы и борщевика обглоданный временем остов дома с просевшей крышей, — из-за поворота на полной скорости вылетает огромный, ярко-рыжий лесовоз и несётся на холм, оставляя после себя шлейф пыли.

— Ядрёны пассатижи! — Водитель выворачивает руль вправо, машина виляет, Жу падает. Телефон с грохотом летит из рук. — Лесопунктовские, так бы их об колено! — орёт водитель. — Отморозки!

Жу шарит руками по полу. Телефон хоть и бесполезный, но свой.

— Улетел? — спрашивает водитель. — Под коврик смотри.

Жу приподнимает коврик — и правда, там. Достав, по привычке освещает экран — связи нет, как не было. Остальное вроде нормально.

Хотя что может быть нормально без связи?

И тут водила жмёт тормоз.

— Всё, приехали.

— Куда? — Жу поднимает глаза от телефона. За окном — непонятно что. То есть нет, понятно, ко-